

Интерпретация истории и культуры в цивилизационном романе

Колесник Е. С.

Национальная академия руководящих кадров культуры и искусства, Киев

Парадигмальные сдвиги в самоосмыслении человечества привели к развитию в XX в. новых форм художественной интерпретации истории и культуры, сближающих беллетристику с гуманитарными науками. Проблематика и композиционные приемы ряда заметных литературных произведений выходят за пределы «традиционного» исторического жанра. Это делает целесообразным выделение цивилизационного, трансквилизационного и трансоисторического жанров литературы (и аналогичных форм в других видах искусства). Наиболее редким из них является трансоисторический роман, прослеживающий историю страны или народа на протяжении веков, иногда – тысячелетий. Гораздо чаще в последнее время стали появляться романы цивилизационные (исчерпывающие описывающие образ жизни и ментальность определенного человеческого сообщества) и трансквилизационные (темой которых является контакт носителей разных систем ценностей). Лучшие образцы всех трех форм, помимо художественных достоинств, имеют большое просветительское, а иногда и научное значение. Развитие литературы подобного типа заслуживают пристального

внимания в качестве проявления новых тенденций в межкультурном диалоге.

Ключевые слова: культурологическая герменевтика, художественная интерпретация, цивилизация, исторический жанр, роман.

(Искусство и культура. — 2014. — № 3(15). — С. 66-72)

Interpretation of History and Culture in the Civilizational Novel

Kolesnyk E. S.

National Academy of the Administrative Workers of Culture and Art, Kiev

The paradigmatic shift in the humanity's self-awareness has led to the development in the XX ct. of the new forms of the artistic interpretation of history and culture, that combine fiction and humanitarian science. Problems and the compositional characteristics of many notable literary works goes far beyond the limits of the 'traditional' historical genre. This makes necessary defining the Civilizational, Trans-civilizational and Trans-historical genres of literature (with corresponding forms in other arts). The rarest of them is the Trans-historical novel, that traces the history of a land or a nation through the centuries, sometimes – millennia. Much more common now are the Civilizational (that describe the whole way of life and mentality of a specific human society) and the Trans-civilizational (the theme of which is the contact of the different value systems). Best examples of all the three forms, besides the artistic merits, have considerable educational, and sometimes scientific significance. The development of these kinds of literature deserves special attention as the manifestation of the new tendencies of the cultural dialogue.

Key words: culturological hermeneutics, artistic interpretation, civilization, historical genre, novel.

(Art and Culture. — 2014. — № 3(15). — P. 66-72)

Актуальность избранной нами темы определяется все большим значением цивилизационного подхода к осмыслению истории и современного состояния человечества. В условиях заметной тенденции к сближению художественной литературы с

научной (в частности, исторической), цивилизационная специфика все чаще становится объектом художественной рефлексии, что порождает новые формы и жанры, как в пределах традиционного исторического романа, так и на его границе с другими жан-

рами и мэйнстримом. Некоторые из этих новых форм и являются предметом нашей статьи.

Релевантными для изучения художественной интерпретации истории являются исследования таких авторов, как А. Гулыга, А. Дирофф, Т. Домбровская, Б. Кроче. Философские и культурологические основы художественной интерпретации истории так или иначе раскрывали также Ю. Андреев, С. Андрусив, Е. Баран, Н. Воробьева, А. Гуляк, В. Долгов, В. Дудатьева, М. Ильницкий, М. Каранда, Г. Ленобль, С. Лисенко, Р. Мессер, И. Мотяшов, П. Николаев, В. Новиков, В. Оскоцкий, А. Пауткин, С. Петров, Т. Пустовит, И. Скачков, В. Шевчук и другие. Наиболее близки к нашей тематике исследования В. Даренского, посвященные эстетической специфике художественного освоения истории [1].

Однако, мы выдвигаем в качестве цели исследования и его научной новизны культургерменевтическое обоснование трех ранее не описанных литературных жанров, которые занимают все более заметное место в современной культуре, отражая общую смену парадигм историографии. Они служат своеобразным связующим звеном между беллетристикой и исторической наукой, а также культурологией, этнографией и фольклористикой. Эти жанры можно обозначить как цивилизационный (наиболее развитый, который может рассматриваться в качестве базового), трансисторический и трансцивилизационный.

Таким образом, целью статьи является обоснование выделения вышеупомянутых жанров в качестве самостоятельных; формулирование их определений и обозначение основных формообразующих спецификаций.

Парадигмальные изменения в историческом жанре. Исторический жанр в литературе определяется тем, что события в произведениях этого типа происходят во время, предшествующее жизни автора. Это, в основном, верно и для некоторых новых форм, развившихся в XX веке, прежде всего, для трансисторического романа – хотя его действие может доходить до момента написания. Цивилизационный и трансцивилизационный романы тоже чаще всего относятся к прошлому, но могут описывать

современный автору мир. Поэтому они выходят за пределы исторического жанра, лишь частично «накладываясь» на него, вследствие чего заслуживают выделения в отдельные категории.

Возникновение этих новых форм является совершенно закономерным, поскольку образ жизни среднего современного представителя западной цивилизации уже не может рассматриваться в качестве единственно правильного, «стандартного» варианта. Двадцатый век принес понимание того, что человеческая культура принимает различные формы, оценка которых является весьма непростым заданием. Крайности унификации и фрагментации себя дискредитировали. А значит, необходимо искать пути достижения реального диалога культур, который позволил бы наполнить конкретным содержанием словосочетание «общечеловеческие ценности».

Знаковым явлением в изменении угла зрения, под которым осмысливается история, стало появление Школы Анналов, поставившей в центр внимания образ жизни «среднего» представителя определенной культуры. Подобную смену перспективы наглядно демонстрирует и художественная литература, где главным героем уже совершенно не обязательно является представитель «господствующих слоев».

В частности, хорошо заметно такое явление как эмансипация обитателей бывших колоний, или угнетенных слоев населения внутри метрополии, которые все активнее утверждают своих ценности. Это – отдельные аспекты того же глобального общественного процесса, который привел к эмансипации женщин, рабочих классов, а также к выделению в самосознательные и активные группы разнообразных меньшинств.

Одновременно, среди самих западных историков и деятелей искусства возрастает интерес к уникальным укладам как живых, так и уже не существующих человеческих сообществ, в том числе – предковых по отношению к современным европейским нациям. Поэтому то, что может казаться бунтом против европоцентризма, является лишь частью более масштабного процесса, в значительной степени, происходящего в самой Европе. Кроме того, все заметнее

становится позиция авторов, которые не столько противопоставляют разные образы жизни этносов и наций, сколько, четко выделяя их особенности, все же подчеркивают их единство.

Все эти тенденции привели к возникновению в литературе нескольких межжанровых форм, которые мы обозначаем как трансисторический, цивилизационный и трансквилизационный романы. Их корреляты имеются и в других видах искусства.

Трансисторический роман как модификация исторического жанра. Основным заданием трансисторического произведения является художественное воссоздание многовековой истории страны, территории или народа. Эта история обычно раскрывается через судьбу представителей нескольких семейств, принадлежащих к разным социальным слоям. От романа-эпопеи трансисторический роман отличается временными масштабами: от нескольких сотен до миллионов лет. Этот жанр возник относительно недавно, в середине XX в. Среди его немногочисленных мастеров – американский писатель Дж. А. Миченер, автор более десяти бестселлеров (объемом от 700 до 1400 страниц), посвященных истории разных территорий США, а также Мексики, Польши и стран Карибского бассейна. Обычно романы Миченера начинаются с описания геологии, иногда – и палеонтологии региона (эти экскурсии являются одновременно исторически самоценными и необходимыми для понимания последующих событий). Затем автор переходит к процессам его заселения различными группами людей, которые вступают в сложные контакты, результатом которых становится формирование нового сообщества. Английским коллегой Миченера является Э. Резерфорд, чьи романы, такие как «Сарум», описывают историю Британских островов, начиная с их геологического отделения от континента и до наших дней.

Кроме литературы, трансисторический жанр наличествует в живописи (некоторые картины И. Глазунова), и кинематографе («Десять лодок» Р. Де Геера и П. Джигирра – фильм, снятый австралийскими аборигенами про собственную историю, действие которого разворачивается в трех временных слоях).

Цивилизационный жанр и его основные формы. В отличие от все еще довольно редких трансисторических, цивилизационные романы в последние десятилетия появляются все чаще. Этот жанр, определяющей характеристикой которого является охват всех сфер жизни определенного общества, имеет несколько размытые границы. К нему можно отнести те из «традиционных» исторических романов, которые объединяют глубокое знание фактов с высоким уровнем эмоциональной заинтересованности автора, позволившем ему проникнуть в самую суть «культурной души» общества. Одним из первых романов этого типа (недоброжелатели называли его «археологическим», критикуя именно ту особенность, которая сейчас входит в моду) является «Саламбо» Гюстава Флобера. Перед его написанием, автор обработал десятки, если не сотни томов на латыни: «Касательно карфагенян я вполне искренне полагаю, что исчерпал все тексты. Мне было бы нетрудно после романа написать толстый том критики со множеством цитат» [2]. Поездка в Тунис, на развалины Карфагена, заставила Флобера полностью переписать уже начатые главы. Зато он настолько «вжился» в уже не существующую культуру, что побеждал в спорах с профессиональными археологами, а его основанные на гипотезах описания были подтверждены позднейшими открытиями.

То же самое можно сказать и про других мастеров исторического романа, таких как Т. Манн («Иосиф и его братья»), И. Ефремов («Таис Афинская»), Г. Видал («Сотворение мира») и другие. В этом контексте показательны слова Георгия Гулиа, который пишет в предисловии к своему роману «Фараон Эхнатон»: «Я знаю о нем все, что может знать человек, живущий в нашем веке. Я прочитал о нем гору научных книг и часами вглядывался в его скульптурные изображения в каирском музее... Я ходил по земле Ахетатона...» [3].

Цивилизационный роман редко имеет четкую фабулу, поскольку его основным содержанием является физическая и духовная жизнь человека на фоне жизни целой цивилизации, часто – во время переломного исторического момента. Написание подобного произведения требует не только таланта, но и огромной исследовательской

работы. Однако, количество цивилизационных романов стремительно увеличивается благодаря большей доступности научной информации и большей легкости путешествий автора к описываемым местам.

В наше время в цивилизационном жанре весьма активно работают афро-американские писатели, ставящие своим заданием осмысление африканского наследия, а также опыта рабства. Знаковым произведением можно считать награжденный Пулитцеровской премией роман Алекса Хейли «Корни» (1976), само название которого ввело в оборот новое понятие «поисков корней». Суть этого романа – в истории семи поколений одной семьи, начиная от Канта Кинте, который в 1767 году был вывезен из Гамбии и обращен в рабство, и заканчивая его современным потомком – самим А. Хейли.

Другой пример афроамериканской цивилизационной литературы – «Возлюбленная» лауреата Нобелевской премии Тони Моррисон. Тут тема разрабатывается не «экстенсивно» (путем охвата большого промежутка времени), а «интенсивно» – на примере одной судьбы. К теме рабства как такового здесь добавляется гендерная проблематика, поданная в феминистическом ключе. Интересным приемом является сочетание квази-документальности с мистикой, сближающее роман с магическим реализмом. Таким образом автор восстанавливает металльный мир своих героев, для которых магическое обладает не меньшей реальностью, чем физическое.

Нахождение цивилизационных «корней» не обязательно связано с антиколониальной борьбой. Задачей может быть микро-историческое исследование. В отличие от «традиционного» исторического романа, основным содержанием такого произведения является не столько описание значительных событий, сколько воссоздание ментальности и уникального локального уклада на примере одной конкретной семьи или местности, и одновременно – выделение вечного, непреходящего в человеческой душе и поступках. Примером могут быть романы известного британского политика и литератора Джона Бакена, такие как «Покров тьмы», где непревзойденно воссоздаются наиболее потаенные аспекты исторической атмосферы (пережитки язы-

чества, жизнь деклассированных элементов и пр.), которые долго оставались скрытыми от официальной истории. Такие писатели возвращают историческую память народу, который и не догадывался про свою частичную амнезию.

Авторы, описывающие «свое как чужое», могут размывать границы реалистического повествования и фэнтези, насыщать текст мифологическим, религиозным, философским символизмом, или же излагать исторические события с использованием приемов магического реализма. Так, в реалистическом романе Г. Дженнингса «Путешественник» рядом с Марко Поло мы встречаем Синдбада, Али Бабу, Аладдина и других сказочных персонажей. «Легенда об Уленшпигеле» Ш. де Костера и «Повесть о Ходже Насреддине» Л. Соловьева являются литературными обработками фольклорных рассказов про героя-трикстера, выступающего воплощением национального духа. Иногда фантастики становится настолько много, что происходит смыкание собственно исторического романа с историческим фэнтези. «Казацкому роду нет перевода» А. Ильченко, «Пришествие короля» Н. Толстого, «Джонатан Стрейндж и мистер Норрилл» С. Кларк относятся именно к этому жанру, но их атрибуция как цивилизационных романов тоже вполне правомерна.

Используя в качестве принципов классификации две пары противопоставлений: «Свое – Чужое» и «Современное – Прошедшее», можно выделить такие основные формы цивилизационного романа:

- Энциклопедическое описание своего, современного автору общества: «Дон Кихот» М. Сервантеса, романы Ч. Диккенса, Ж. Амаду, Т. Вулфа, в определенной степени – художественные тексты религиозно-философского характера («Божественная комедия» Данте, «Путешествие на Запад» У. Чен-эня). В живописи им в той или иной степени соответствуют картины реалистов XIX в. – Г. Курбе («Похороны в Орнане»), У. П. Фрита («Вокзал в Паддингтоне») и других, в кинематографе – «летописи страны», такие как «Форрест Гамп» Р. Земекиса или «Сибирский цирюльник» С. Михалкова.

- Воссоздание бытия своего народа в особо важный исторический момент прошлого. Стандартом тут выступают «Собор Париж-

ской Богоматери» В. Гюго, «Война и мир» Л. Толстого, «Унесенные ветром» М. Митчелл. Иногда «портрет цивилизации» создается в целом цикле романов, или даже во всем творческом наследии писателя (В. Скотт, Ф. Купер, А. Дюма-старший, А. Голон, Б. Акунин и др.).

- Презентация чужой для автора, современной ему культуры. Этот тип сам по себе встречается нечасто. Обычно «чужая» культура дается в сравнении с иной, «своей», что, по нашей классификации, относится, к следующему, трансцивилизационному, жанру.

- Реконструкция бытия чужой, ныне несуществующей цивилизации. Этот подвид широко представлен в живописи, особенно конца XIX – начала XX вв., а также в кинематографе («Апокалипсис» М. Гибсона и др.). Он заслуживает особенно внимательного рассмотрения.

Когда писатель идентифицируется с другим народом, культуры которого в момент работы над произведением уже не существует, у него просто не может быть личного опыта цивилизационного контакта в реальном времени и пространстве. Однако, с помощью специальных исследований литератор может устроить себе виртуальное погружение в прошлую жизнь. Вероятно, наиболее ярким примером этого является эпический роман Рут Б. Хилл «Ханта йо», в котором воссоздаются все аспекты жизни народа сиу. Работа над текстом продолжалась двадцать пять лет; двадцать из них писательница путешествовала по местам, где происходит действие, проверяя все детали. Она опросила более тысячи представителей всех племен Великих равнин, работала бесчисленные этнографические и антропологические исследования, изучила все сохранившиеся диалекты, ритуалы и песни. После этого она со своим консультантом Чункса Юха (чистокровным сиу, получившим и традиционное племенное и университетское европейское образование) написала книгу на языке лакота [4]. Этот текст был переведен на английский. Такой сложный метод был выбран для того, чтобы в повествование не просочилось ничего лишнего – ведь индейцы мыслили иными категориями, чем белые; например, у них отсутствовало понятие греха и вины. В то

же время, многие слова, в том числе философские термины (Хилл утверждает, что у сиу была развитая философия), не имеющие английских аналогов, были оставлены без перевода, и пояснены в комментариях. Итогом стал очень интеллектуальный, глубокий, но именно поэтому очень сложный для чтения текст. Парадоксальным образом, именно исключительно высокое научное (и литературное) качество помешало популяризации произведения.

К этому же, четвертому по нашей классификации, варианту относятся достаточно популярные сейчас экскурсии в еще более глубокое прошлое. Первые художественные произведения, посвященные жизни первобытных людей, появились в XIX в., но лишь современные достижения антропологии, этнографии, археологии, позволили ученым и литераторам выйти на принципиально новый уровень. В XIX в. парадигма прогрессизма требовала изображать древних людей во всех отношениях более примитивными и грубыми, нежели современные. В конце XX в. возросшее уважение к разным цивилизационным моделям современного человечества привело и к переоценке образа жизни древних людей. С повышением интереса к быту и ментальности, на смену рассказам про экзотические приключения среди дикой природы пришли подробные художественные реконструкции материальной и духовной культуры людей каменного века. Такая установка на освещение не столько отдельных событий, сколько образа жизни народа в целом позволяет отнести подобные тексты к категории цивилизационных романов.

Одним из наиболее известных среди них стал цикл «Дети Земли» Джин М. Аул, соединяющий научную точность с достаточно высоким литературным качеством. Подготовка к написанию романов заняла у писательницы около трех лет, причем речь идет не только об изучении научных данных и о путешествии по описываемым местам, но и о прохождении курса выживания, научившего ее охотиться, обрабатывать камень и строить жилища по технологиям людей палеолита [5]. Действие первых трех из ее шести романов происходит на территории современной Украины; точно и подробно описаны стоянки Кзыл Коба, Мезино и Ме-

жирич. Все реалии являются археологически верными; тексту предшествует карта и изображение исторических артефактов, фигурирующих в тексте. С точки зрения современной этнографии вполне убедительно выглядят описания духовного мира охотников на мамонтов; особый интерес представляет оригинальное объяснение загадки Сунгирского захоронения.

В соответствии с новой парадигмой, Дж. Аул изображает древних людей не только сильными и смелыми, но и умными, а также достаточно толерантными. Их психология, мотивы и ценности сопоставимы с современными. Возможно, автор слишком идеализирует своих героев и их образ жизни, но ее основная идея заключается именно в том, что человечество имеет полное право гордиться своими предками.

Трансцивилизационный жанр как художественная интерпретация диалога культур. Сущность трансцивилизационного произведения заключается в сопоставлении образа жизни, норм и ценностей нескольких культур. Для написания романа такого типа автор должен выйти на наивысший уровень исторического обобщения, выявив саму суть описываемых цивилизаций, и обозначив перспективы их взаимодействия.

Трансцивилизационный роман может сближаться с трансисторическим – в произведениях уже упомянутого Дж. А. Миченера есть презентация разных культур с их ценностями и образами жизни. Однако, трансцивилизационный роман в «чистом» виде охватывает несколько меньший промежуток времени (достаточно нескольких лет, в малых формах – нескольких дней), и дает максимально полное описание «прафеномена» каждой цивилизации. Как и другие формы исторического жанра, трансцивилизационный роман нередко обращается к эпохам коренных изменений и прослеживает судьбы разных народов во время смерти старого и зарождения нового порядка. Например, «Викинг» Т. Северина и «Аттила» В. Напьера, помимо прочего, исследуют формирование основ европейской цивилизации после падения Рима; «Черное сердце» Э. Ван Ластбадера – отголоски вьетнамской войны в США и Юго-восточной Азии.

Малые формы этого жанра могут лишь отметить точку контакта представителей разных цивилизаций как носителей принципиально различных фундаментальных ценностей и норм. Такая встреча, чаще всего, принимает форму конфликта, результат которого может быть трагическим («Мост через реку Квай» П. Буля/Д. Лина). Иногда ситуация контакта важна не столько конфликтом, сколько возможностью «остраненного» взгляда на привычное. В большинстве случаев, авторы постулируют возможность нахождения истинно общечеловеческих ценностей, которые обеспечивают если не примирение, то взаимное понимание и уважение оппонентов.

В развернутом виде трансцивилизационный жанр принимает форму масштабного произведения, в котором подробно описываются и сравниваются все грани жизни двух (редко – больше) цивилизаций. Результаты такого сопоставления могут быть разными.

Реже всего встречается полное отторжение одной культуры другой. Примером может быть «Ацтек» Г. Дженнинга, где главный герой остается непримиримым по отношению к европейцам, уничтожившим его государство. Этот роман любопытен тем, что может рассматриваться как энциклопедия не только ацтекских, но и майяских и сапотекских древностей; однако автор заставляет своего героя воспринимать и описывать мир примерно так, как это сделал бы современный европеец. Впрочем, именно такой подход позволил произведению стать бестселлером.

Противоположным вариантом выступает принятие героем чужой культуры, как это происходит в эталонном для жанра «Сегуне» Дж. Клавелла. Этот роман имеет автобиографическую основу: во время Второй мировой войны британский артиллерист Клавелл попал в японский концлагерь. В «Сегуне» мы также видим англичанина, попавшего в японский плен, однако действие относится к рубежу XVI–XVII веков. Основной темой романа является взаимодействие двух культур, двух систем ценностей – европейской и японской, причем англичанин Блэкторн со временем все лучше понимает логику и позитивные моменты чужой культуры, которая сначала вызы-

вала лишь отторжение. В целом, «Сегун» – одновременно первоклассный приключенческий роман, глубокое исследование японского характера и убедительная реконструкция событий, приведших к установлению сегуната Токугава.

В других текстах принятие чужого как своего может быть настолько глубоким, что возвращение назад воспринимается как трагедия («Танцующий с волками» М. Блейка/К. Костнера).

В некоторых случаях две культуры могут позиционироваться как способные к сближению и порождению новых форм. К этой теме тяготеют британские писатели, так, Р. Сатклифф рассматривает историческую интеграцию кельтской и римской культур. Порой, наоборот, автор показывает, как возможность такого сближения была утрачена.

Заключение. Цивилизационный, трансцивилизационный и трансисторический жанры могут рассматриваться как специфические формы, более или менее близкие к историческому жанру, и отличающиеся установкой на художественную интерпретацию более или менее полной научной картины жизни определенного социума.

В целом, произведения подобного типа дают возможность более внимательно и объективно взглянуть на межкультурные отношения, разделить понятия «иной», «чужой», «противник» и «враг», и переосмыслить сущность прошлых и нынешних конфликтов. Только понимание отличий позволяет находить сходство и строить полноценный межкультурный диалог.

Как известно, О. Шпенглер отрицал возможность взаимопонимания представителей различных цивилизаций, хотя его собственный труд, в котором он небезуспешно выделяет «прафеномен» чужих культур, показывает, что по крайней мере, частичное понимание все же возможно. Описанные в нашей статье маргинальные «литературно-научные» формы самим своим существованием раскрывают дальнейшие перспективы изучения морфологии культур в духе культурологической герменевтики.

Специфика этих новых форм художественной интерпретации исторического развития и культурной специфики различных народов – от этнической группы до суперэтноса – заслуживает дальнейшего изучения. Конкретным практическим результатом отдельного изучения этих жанров могло бы стать более глубокое понимание как специфики древних культур, так и основных тенденций современной «художественной историографии».

ЛИТЕРАТУРА

1. Даренський, В. Ю. Художнє освоєння історії як проблема некласичної естетики [Текст] // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Випуск 8. Серія: філософські науки. – Чернігів, ЧДПУ, 2001. – С. 40–45.
2. Флобер, Г. Письмо к Э. Федо, 20 октября 1860 / Г. Флобер. Саламбо [Текст]. – Минск: Нар. асвета, 1983. – С. 365.
3. Гулиа, Г. От автора / Г. Гулиа // Фараон Эхнатон. Человек из Афин. Сулла [Текст]. – М.: Сов. писатель, 1982. – С. 6–8.
4. Chunksa Yuha. Introduction // Hill, R. B. Hanta Yo. – L.: Futura Publications Limited, 1979. – P. 9–11.
5. Auel, J. M. The Clan of the Cave Bear. – New York: Bantam Press, 1981. – 496 p.

Поступила в редакцию 10.02.2014 г.